

ЮЖНАЯ АЗИЯ: РЕГИОН НА ФОНЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© 2011 г.

Н.В. ГАЛИЩЕВА. Экономика стран Южной Азии. Москва, МГИМО(У) МИД России, 2009, 768 с.

Регион, традиционно объединяемый понятием Южная Азия, включает семь стран, качественно различных по формам государственного строя. Так, например, Бутан – королевство, Индия – парламентская республика, Шри-Ланка – социалистическая республика (реликт увлечения идеями социализма), Непал лишь недавно стал федеративной демократической республикой после длительного периода королевского правления, Пакистан – исламская республика. Не менее значимы различия и в основных социально-экономических показателях. Так, подушевой ВВП (по ППС) в Индии вдвое выше, чем в Непале и Бутане. Страны региона сближает их общее историческое прошлое – Индия, Пакистан и Бангладеш, которые были созданы на ее бывших территориях в результате распада колониальной системы, а также Шри-Ланка входили до середины XX в. в состав Британской империи, что оказало существенное, хотя неоднозначное по своим последствиям, влияние на их нынешнее положение.

Как регион Южная Азия характеризуется высокой рождаемостью и массовой бедностью, что непосредственно отражается на проводимой государствами внутренней политике. Поскольку в структуре их населения преобладают молодые возраста (например, в Бангладеш 70% людей до 35 лет), эти черты сохраняют свое влияние на экономическое развитие на среднесрочную перспективу. В 2007 г. до начала мирового финансового кризиса число бедных в Южной Азии, при расчете исходя из дохода один доллар в день (по ППС), составляло 350.3 млн. человек, в том числе в Индии – 266.5 млн. При базовом 1.25 долл. в день соответствующие показатели увеличивались до 595.5 млн. и 455.8 млн. человек¹. Иными словами, почти 50% населения региона живут в нищете, причем многие исследователи считают, что реально их число еще выше, а количественные

характеристики нищеты не исчерпывают всей глубины проблемы. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Амартья Сен настаивает на обязательном учете в определении уровня бедности оценок депривации, то есть социально-экономических критериев, показывающих, чего лишен человек, живущий в нищете, а именно – доступа к образованию, медицинским услугам, карьерному росту и т.д. На этих принципах базируется многовекторный индекс бедности (*Multidimensional Poverty Index*), и он впервые использован в ежегодном докладе Программы развития ООН (UNDP) 2010 г. Согласно этому индексу, доля бедноты в населении Индии увеличивается почти на 20% по сравнению с оценками на основе 1.25 долл. в день.

С началом экономического кризиса оптимистические заявления экспертов Мирового банка о снижении в мире числа бедных сменились признанием роста этого показателя, прежде всего в странах Южной Азии и Африки южнее Сахары. Приведенные Н. Галищевой данные показывают, что по уровню душевого дохода страны региона заметно отстают от средних показателей по странам Юга. Однако, несмотря на все трудности, наметился постепенный рост их роли в мировом хозяйстве и в процессах интеграции на региональном уровне, хотя это продвижение существенно ниже, чем в странах Юго-Восточной Азии. Тем не менее приведенные автором сведения позволяют считать, что Южная Азия являет пример глокализации (*glocalization*), согласно термину, предложенному экс-президентом Sony А. Морита, когда расширение мирохозяйственных связей имеет место наряду с таким же процессом на региональном уровне.

Участие в глобальных процессах, хотя и в разных масштабах, типично для стран региона, в первую очередь определяется уровнем национального экономического потенциала. Но в любом варианте оно рождает эффект резонанса,

¹ См.: The Economist. 30.08.2008. P. 66.

сказываясь, особенно на ранних этапах независимого политического развития, в попытках ориентировать социально-экономическую политику на повторение пути, пройденного ранее странами Запада. На основе хозяйственного опыта региона, анализируемого в книге с широким использованием солидных источников, таблиц и авторских расчетов, как представляется, можно говорить скорее об имитационном развитии. Это попытка использовать протосовременную модель с упором на индустриализацию, хотя возможности ее реализации качественно различны в странах региона. (Замечу, что только Индия смогла осуществить этот процесс в полном масштабе, создав дифференцированную промышленную структуру с отраслями группы А.)

Создание индустриальной базы было центральной позицией внутреннего развития государств с сильной политической составляющей, поддержанной на ранних этапах самостоятельности стран Южной Азии международными экономическими организациями, в том числе программами помощи. Но при этом не были учтены особенности их постколониальной экономики и принципиальные изменения в мировом хозяйстве. Методы, присущие догоняющему развитию, о которых писал в своих работах А. Мэддисон, исследуя смену лидеров в экономике Европы в XVI–XVII вв., не могли дать аналогичного положительного эффекта во второй половине XX в. Основные причины – качественно иные структуры экономики и политические институты новых государств, что не было в полной мере оценено идеологами догоняющего развития. Реально речь шла именно о подражании. В самой характеристике модели развития как имитационной нет негативного компонента. Это один из возможных, для многих стран – неизбежный, этап развития, объективно обусловленный внешними и внутренними условиями.

Н. Галищева правильно предположила исследованию каждой страны своего рода введение, обозначенное как основные черты социально-экономической модели, но, к сожалению, увлечение автора детально изученным фактическим материалом ограничило теоретические стороны проблемы. На формирование экономической политики в странах Южной Азии воздействовали новые условия мирового хозяйства, сближавшие разные группы стран – расширение взаимосвязей, высокие темпы научно-технического прогресса, демонстрационный эффект. Подражание и, следствие этого процесса, возможности научного и технического заимствования неизбежны в условиях растущей визуализации нынешнего этапа

развития на базе современных информационно-коммуникационных технологий.

Южная Азия отмечена политическим и экономическим приоритетом Индии – безусловного субрегионального лидера, влияние которого сказывается на расстановке сил на всем Азиатско-Тихоокеанском пространстве. Вхождение Индии в группу БРИК (название используется в международном лексиконе с 2003 г., первый официальный саммит имел место в июне 2009 г.) также способствовало росту ее авторитета. Само появление БРИК (ныне уже БРИКС) – знак времени больших и динамичных экономик, к которым по праву принадлежит Индия. Вместе с тем соотношение экономических показателей в этих странах свидетельствует об их существенных различиях. Например, по такому критически важному для модернизации (а такая задача стоит перед всеми странами БРИК) показателю, как уровень глобальной конкурентоспособности, Китай занял из 139 стран 27 место, Индия – 51, Россия – 63.

Интерес к Индии, ее влияние растут на фоне современного кризиса благодаря тому, что стране удалось сохранить потенциал развития, не допустить значительного снижения темпов экономического роста. Напомню, что азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. также обошел стороной регион, в первую очередь Индию, что усилило внимание к проводимой ею экономической политике. Показательно, что в ходе нынешнего кризиса число ссылок на хозяйственный опыт Индии заметно увеличилось, в том числе в исследованиях экономики России².

Изучение стран региона, проведенное Н. Галищевой, приобретает растущее значение в связи с очевидной заинтересованностью России в развитии контактов со своими соседями на Востоке страны, а Индия традиционно является дружественным партнером России. В силу этого, а также лидерства в южноазиатском регионе, анализ экономики Индии по праву занимает основное место в рецензируемой книге. Такой подход важен еще и потому, что некоторые черты социально-экономической политики Индии, – например, важная роль государства в экономическом строительстве, попытки планирования, – присущи и другим странам региона. Кроме того, по качеству статистики, количеству публикуемых исследований как индийских, так и зарубежных (в том числе – российских авторов) Индия заметно обгоняет своих соседей, особенно в связи с достижением ею высоких темпов роста с начала XXI в. К сожалению,

² См., например: *Аганбегян А.Г.* Экономика России на распутье... М.–Владимир, 2010.

в обширной библиографии книги отсутствуют имена таких известных индологов, как Л. Рейснер, Г. Широков, В. Яшкин и другие, заложивших в свое время основы изучения особенностей социально-экономической модели Индии.

Структурно монография Н. Галищевой построена по четкому плану, что довольно сложно с учетом различий между странами. Их экономики рассматриваются в определенной последовательности, что позволяет оценить как сходства, так и отличия проводимой ими политики, ее результаты. Особого внимания заслуживает авторский анализ сложных налогово-бюджетных и кредитных систем стран региона с учетом их значимости для экономического развития. На основе ВВП Н. Галищева определяет страны региона как аграрно-индустриальные, подчеркивая тем самым, что усилия по укреплению национальной индустрии не привели к коренному изменению структуры хозяйства. Ведущая роль аграрного сектора в системе занятости сохранилась. Например, в Непале, в промышленности занято всего 6% населения, на Мальдивах – не более 15%, отрасль здесь представлена кустарными предприятиями и сбором морских раковин (каури) с исключительно женской занятостью (с. 673). В Бутане большая часть территории охраняется как национальный парк, где не допускаются промышленные производства, что делает честь этой стране. Для государств региона характерна сервисизация экономики с преобладанием традиционных форм, в первую очередь мелкой торговли, домашних услуг. Заслуживает внимания отмеченный в странах Южной Азии, за исключением Пакистана и Бангладеш, рост туризма, что положительно сказывается на увеличении спроса на труд и развитии смежных отраслей, в первую очередь строительства. Однако низкий уровень инфраструктуры и нехватка квалифицированных кадров существенно ограничивают возможности привлечения иностранных туристов и, соответственно, приток иностранной валюты.

Отрицательно на экономическом положении стран региона отражаются внутренние этнические конфликты, высокий уровень террористической угрозы в разных формах. Пакистан – вторая по размерам территории и численности населения страна Южной Азии, где в руководстве традиционно сильно влияние армии, – настолько ослаблен частыми сменами правящей верхушки, повторяющимися терактами, наплывом беженцев, что во время сильнейшего наводнения в середине 2010 г. центральные власти не смогли своевременно оказать помощь миллионам людей, ставших жертвами стихии. Экономический рост

страны в 2010 г., по оценкам, сократится до 2% по сравнению с 4.5% в 2009 г.³

Инвестиции государства и постепенное оживление, в том числе при его поддержке, местного бизнеса помогли странам региона в 1971–2005 гг. добиться среднегодовых темпов прироста ВВП не ниже 3.5%, причем такие разные по потенциалу государства, как Индия и Бутан, превысили 5.1%, а Мальдивы – даже 7.4%, доказав очередной раз, что сфера услуг (туризм) может при определенных природных условиях быть высокоэффективной (с. 15–16). В анализе социально-экономической модели Индии заслуживает внимания широкое использование рычагов государства, включая расширение госсектора за счет бюджета, в осуществлении пятилетних планов развития. Наряду с этим проводилась политика защиты национального частного предпринимательства с использованием протекционистских мер. В результате “в стране образовался крепкий частный сектор, и к началу 1990-х годов была сформирована достаточно стабильная экономическая система” (с. 56). Хотя не могу согласиться с тезисом, что такому результату способствовала концепция общества “социалистического образца” (с. 56), акцент на значении сильного частного сектора, безусловно, заслуживает одобрения. Как показало дальнейшее экономическое развитие Индии, взаимодействие государственного и частного секторов способствует динамичному продвижению страны, хотя и не отменяет серьезных противоречий, сбоев, прежде всего хронической убыточности многих государственных предприятий, требующих постоянной бюджетной поддержки, коррупции, по уровню которой Индия занимает далеко не последнее место в мире.

Сильной стороной индийской модели развития является стремление избежать резких сломов и одновременно способность к переменам. Одним из показателей была поддержка государством мелкого производства. “Эффективное его функционирование рассматривается как необходимая предпосылка здорового экономического роста и стабильности” (с. 76). Соотношение сил в экономике на протяжении последних 60 лет постепенно меняется (градуалистская тактика) за счет изменения форм и методов вмешательства государства при сохранении его основных функций. Наиболее четко это проявилось в реформах середины 1991 г. Была существенно снижена область лицензирования, что либерализовало деятельность частного сектора, который к этому времени сильно укрепил свои хозяйственные позиции и при-

³ См.: Economist. 28.08.2010. P. 42.

обрел опыт работы в современном бизнесе. Была существенно упрощена процедура организации новых предприятий, заметно снижены пошлины на импорт новых технологий и оборудования. Не случайно именно в последнее десятилетие XX в. ускоренными темпами стал расти сектор информационных технологий (на 50% в год) и последовавший затем экспорт его продукции, что означает соответствие мировым стандартам. С компаниями этой отрасли постоянно сотрудничают ведущие зарубежные фирмы, прежде всего американские. Индийские программисты, учитывая нужды местных крестьян, создали упрощенную дешевую модель компьютера, позволяющую оперативно узнавать цены и наличие сельскохозяйственных товаров на внутреннем рынке.

Государство сохранило перспективное планирование в форме пятилетних планов, начатых в 1951 г. Ныне в стране завершается 11-й пятилетний план. Замечу, что было бы полезно этому социально-экономическому феномену уделить больше внимания, учитывая влияние Плановой Комиссии, в которую входят известные политические деятели и ученые Индии. Характер планов постепенно меняется, но главным остается определение основных направлений развития хозяйства, масштабы государственных капиталовложений и некоторые финансовые ориентиры для частного сектора. Первое десятилетие XXI в. отмечено формированием партнерства государственного и частного секторов (*Public – Private Partnership*), особенно с целью укрепления инфраструктуры, отставание которой отрицательно сказывается на возможностях роста.

Влияние государства в странах региона сохраняется в регулировании рынка труда и попытках снизить масштабы безработицы. Типичное для них постоянное превышение предложения рабочих рук над спросом – основная причина массовой бедности. Главной сферой занятости остается сельское хозяйство с преобладанием мелкого крестьянского землевладения и землепользования. Наемный труд еще не стал и, видимо, в обозримом будущем не станет основной формой занятости. Официальные показатели безработицы, например, в Индии – 9%, Бангладеш – 10%, можно считать ориентировочными, реально они намного выше. В Непале сложилась категория граждан, так называемой домашней прислуги, работающих за питание (с.569). Материалы книги свидетельствуют, что решения проблем занятости и бедности ни в одной стране Южной Азии не найдены. Опыт Индии показывает, что, стремясь сохранить имеющуюся занятость и принимая законы, осложняющие увольнение работников на

предприятиях с занятостью свыше 100 человек, государство тем самым вынуждает консервировать мелкие неэффективные производства.

Преодоление бедности как задача, общая для стран региона, прямо связана с политикой государства. Под его эгидой созданы специализированные организации, в разных формах оказывающие поддержку наиболее незащищенным слоям населения, в том числе за счет местных и государственных бюджетов. В Непале одно из направлений помощи – распространение среди нуждающихся бесплатной еды (с. 562). Это объективная необходимость, но ограниченность финансовых ресурсов и неизбежные злоупотребления в распределении (например, в ряде штатов Индии нуждающихся в продовольствии оказалось больше численности населения) делают эту помощь низкоэффективной. (Американский экономист А. Оукен сравнивал государственные программы помощи бедным с дырявым ведром.)

И все же есть положительные сдвиги, прежде всего в Индии: с 1951 г. по 2005 г. уровень бедности населения сократился с 45% до 26% (с. 178). Наиболее тяжелое положение в Бангладеш, с приростом населения там 1.7% в год. Даже увеличение в последние годы темпов экономического роста до 5.5% не позволило повысить подушевой ВВП – ныне один из самых низких в мире (с. 439). Преобладание в структуре населения молодых возрастов означает, что демографическая нагрузка будет возрастать и в следующих поколениях. В ряде областей страны хронически повторяются голодные годы.

Общей для стран региона стала эмиграция граждан. Основные потоки направляются из Индии в страны Северной Америки, ЕС, Северную Африку и Ближний Восток; из Бангладеш, Пакистана и Шри-Ланки (75% эмигрантов из этой страны – женщины) – в страны Персидского залива. Активному экспорту людских ресурсов в немалой степени способствует знание, хотя и разное по качеству, английского языка. По числу выехавших за рубеж граждан, особенно высококвалифицированных кадров, неоспоримо лидирует Индия. «Численность индийской диаспоры в настоящее время превышает 20 млн. человек» (с. 211). Обращает внимание не только ее широкая распространенность в мире, но и то, что она стала одной из самых преуспевающих. Пакистан, начав с экспорта неквалифицированной рабочей силы, ныне увеличивает среди эмигрирующих в США долю врачей, программистов, бизнесменов. Переводы мигрантов в страну происхождения стали важным источником пополнения валютных ресурсов стран Южной Азии. Например, в

Шри-Ланке это второй источник инвалютных поступлений. Индия получила от своей диаспоры в 2003 г. 21.8 млрд. долл., в 2008 г. – 52 млрд. С начала XXI в. поступления от мигрантов в регион превысили объем помощи от иностранных финансовых организаций и государств (с. 215). Для стран – реципиентов Южной Азии переводы стали важным фактором роста внутренней покупательной способности населения, в известной мере способствовали расширению мелких бизнесов.

Заинтересованность в переводах мигрантов прямо повлияла на политику правительств стран региона, которые не вводят запретов на эмиграцию своих граждан, хотя, например, на Шри-Ланке из-за интенсивного выезда лиц с высшим образованием начинает ощущаться нехватка специалистов для развития национальной экономики. Очевидно, что правительства стран региона будут стремиться сохранить экспорт национальной рабочей силы в ходе посткризисного восстановления экономик Запада. Отличительной чертой политики в этой области является стремление правительств поддерживать связи с диаспорами. Наиболее успешным стал опыт Индии. Своих бывших граждан, добившихся профессиональных и деловых успехов, приглашают для чтения лекций, обмена опытом, особенно в области новых технологий. Эта политика оказалась весьма дальновидной. В годы экономического роста в Индию, в гораздо меньшей степени – в Пакистан, начали возвращаться бизнесмены, располагавшие финансовыми средствами и знаниями, что способствовало созданию ими новых современных предприятий, так называемых стартапов. Поскольку Индия добилась в 2009 г., вопреки мировому экономическому кризису, 7% роста ВВП (ожидаемый показатель за 2010 г. 8.9%), то это перспективное направление, видимо, будет продолжено. Вместе с тем следует признать, что эмиграционная политика стран Южной Азии в силу объективных условий ограничена в возможностях ее регулирования, так как приоритет здесь принадлежит государствам – реципиентам иностранной рабочей силы. Для стран-поставщиков это означает сохранение стихийного характера выезда их граждан за рубеж.

Заслуживает внимания рассмотренный в книге вопрос о региональном сотрудничестве. Как и во всяком другом регионе, в Южной Азии сталкиваются противоречивые интересы, борьба стран за экономическое и политическое влияние, в которой первое место играет соотношение сил Индии и Китая. Провозглашенная сравнительно недавно политика Индии “Глядя на Восток”, курс на рас-

ширение ее отношений со странами АСЕАН получили поддержку Японии и Южной Кореи, увидевших в этом противовес продвижению интересов Китая. Шри-Ланка устойчиво занимает важные позиции в стратегии Китая с целью укрепления своих позиций в районе Индийского океана (стратегия “нитка жемчужин”). Китай, начав со строительства небольших предприятий на острове, перешел к осуществлению крупных инвестиций в инфраструктуру Шри-Ланки на льготных условиях. Правительство страны высоко оценило поставки ему Китаем современных вооружений для подавления тамильских повстанцев⁴. По-прежнему сложными остаются отношения Индии и Пакистана, особенно после нападения террористов в ноябре 2008 г. на отели в Мумбаи, не говоря уже о постоянно тлеющем конфликте из-за Кашмира. Пакистан крайне ревниво относится к любым контактам Индии с Афганистаном, даже выдача виз гражданам этой страны для лечения в Индии вызвала в середине 2010 г. бурные протесты со стороны Пакистана. Напряжение между Индией и Бангладеш нарастает из-за постоянного потока нелегальных мигрантов из Бангладеш, прежде всего неквалифицированных сельскохозяйственных рабочих, которые из-за своей дешевизны успешно конкурируют с местным населением. Правительство Индии неоднократно высказывалось за свободное перемещение своих граждан через границы, но достичь таких договоренностей с непосредственными соседями по региону не удастся из-за опасений возможного наплыва рабочей силы из этой страны. По оценке МОТ, в следующем десятилетии численность рабочей силы Индии возрастет на 80 млн. человек⁵. Исследователь справедливо подчеркивает, что одной из особенностей интеграции Южной Азии в мировое хозяйство стал экспорт рабочей силы, “...за рубежом трудятся свыше 25 млн. индийцев, около 4 млн. бангладешцев, 3 млн. пакистанцев, 1.3 млн. непальцев, 1.2 млн. ланкийцев” (с. 18).

Что касается регионального сотрудничества, то здесь процесс идет вяло. Созданная в 1985 г. в составе семи стран, к которым в 2007 г. присоединился Афганистан, Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) не смогла стать активной экономической силой. Ее лидером остается Индия с $\frac{3}{4}$ региональной торговли и 85% внутрорегионального экспорта, масштабы которых в абсолютных показателях ограничены. Разногласия между странами региона ослабляют интеграционные возможности,

⁴ См.: Economist. 10.07.2010. P. 53.

⁵ См.: Economist. 07.08. 2010. P. 62.

в первую очередь тормозится создание зоны свободной торговли, хотя переговоры на эту тему давно ведутся.

Исследование экономики Южной Азии, проведенное Н. Галищевой, безусловно интересно для широкого круга читателей, дает возможность много узнать об экономических трудностях и перспективах огромного региона. Автор обоснованно уделила внимание экономическим связям России со странами Южной Азии, которые, за исключением Индии, выглядят ограниченными. Но и в отношениях с Индией остро стоит проблема диверсификации товарной структуры взаимной торговли и перехода к новым формам сотрудничества. Представленные в книге обширные

статистические данные актуальны в контексте меняющейся политики России по отношению к Азии, повышения интереса к укреплению хозяйственных контактов. Россия в октябре 2010 г. присоединилась к форуму “Азия–Европа”, что подчеркивает заинтересованность в развитии восточного направления в ее внешнеэкономической политике. Монография Н. Галищевой актуальна и практически полезна.

Ключевые слова: приоритет Индии, массовая бедность, сервисизация, роль государства, переводы от диаспор, эмиграция.

Е. БРАГИНА
(bragina@touro.ru)